

Роберт Уэйд

МЕРТВ ЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ КОНСЕНСУС?¹

Если мы хотим, чтобы все осталось
по-старому, нужно все поменять.

Джузеппе Лампедуза «Леопард»

Я никогда не считал себя «радикалом». Здесь я следовал за Робертом Фростом, который предупреждал против юношеского идеализма: «Я никогда не дерзал быть радикалом в юности, так как боялся стать консерватором в старости». В то же время я просто не могу удержаться от того, чтобы не высказать своего одобрения или неодобрения тем или иным социальным реалиям. В этом смысле я не очень «хороший исследователь», если под таковым понимать беспристрастного человека, а под беспристрастным — «консервативного» (так, в неоклассической экономической теории рынки считаются чем-то естественным, а значит хорошим; государства же искусственны и, следовательно, заслуживают подозрения).

Предмет моего интереса — глобализационный консенсус, консенсус, который доминировал в экономическом нарративе последние три десятилетия, начиная с первых дней нахождения у власти Рейгана и Тэтчер. Суть его в том, что национальные экономики с более либеральной торговлей и финансами, с более высокой международной рыночной интеграцией, с меньшей враждебностью к росту корпораций и с максимально урезанным участием государства будут вознаграждены более высокими показателями экономического роста, меньшей бедностью, более высокой социальной мобильностью и куда меньшим неравенством, чем иные экономики (при всех прочих равных условиях). Отсюда делается следующее нормативное заключение: рыночная либерализация, возрастающая международная экономическая интеграция, пресечение попыток государства влиять на экономическую активность — это правильные направления политических реформ, где бы те ни начинались. Точнее, посыл таков: начиная с 80-х гг. XX в. государства по всему миру предприняли ряд мер по торговой и финансовой

1. Wade R. Is the Globalization Consensus Dead // Antipode. 2010. January. Vol. 41. Sup. 1., P. 142–165.

либерализации, и результаты оказались вполне ожидаемыми. Доходы развивающихся стран стали расти быстрее, чем тот же показатель в странах развитых, показатели бедности стали снижаться, а неравенство в мировом масштабе — между странами и между людьми вне зависимости от страны проживания — начало сокращаться (хотя отнюдь не во всех странах). Корреляция между двумя крупными трендами дает нам серьезные эмпирические подтверждения основополагающих «гипотезы эффективных рынков» и «теории сравнительного преимущества» — комбинации аргументов, гласящих, что свободная конкуренция в отличие от регулирования есть лучший способ наладить рыночное поведение, так как рынки, в том числе и рынки финансовые, достаточно гибки, чтобы самостоятельно поддерживать равновесие и самоочищаться; и что свободная конкуренция в мировом масштабе приведет экономики разных стран к такой специализации, которая им больше всего подходит и в которой производимый ими товар будет иметь самое высокое стоимостное выражение. Соответственно, международные организации, например, Всемирный банк или Международный валютный фонд (МВФ), совершенно правы, когда они пытаются внедрить данные принципы в политическую стратегию стран-заемщиков (в том числе и в функционирование их государственного сектора — например, в форме «нового государственного управления»).

Данный нарратив продемонстрировал впечатляющую способность поглощать иные аргументы — например, важность «институтов» для обеспечения стимулов для экономической активности, — сохраняя при этом в неизменности внутреннее ядро, суть которого состоит в поддержке торговой и финансовой либерализации и осуждении «протекционизма», равно как и любых других разновидностей «государственного вмешательства». Это внутреннее ядро казалось столь защищенным, что его вполне можно было считать находящимся, если воспользоваться фразой Джона Стюарта Милля, «в дремотном состоянии давно решенного вопроса».

Однако финансовый кризис, начавшийся летом 2007 г. в США, нарушил эту дремоту. Консервативные медиа звонят во все колокола, предупреждая о новой волне государственного вмешательства в бизнес и экономику, а также о той реакции против принципа *laissez faire*, которую можно наблюдать по всей стране. Данный новый контекст заставляет нас задаться двумя основополагающими вопросами.

Во-первых, действительно ли «глобализационный консенсус» мертв, как то утверждает экономист Дэни Родрик, цитирующий оценки таких ученых, как Пол Самуэльсон, Пол Кругман, Алан Блиндер, Мартин Вольф и Ларри Саммерс (Rodrik 2008)? Если кратко, то я бы ответил так: глобализационный консенсус ослаб. Наблюдается уже гораздо меньшая уверенность в его положениях, так как все больше ученых понимают всю шаткость эмпирических свидетельств в его пользу. Факты кусаются или, если процитировать Гэлбрейта, «конвенциональная мудрость» уступает под напором не столько новых идей, сколько «массового напора обстоятельств, с которыми она ничего не может сделать» (Galbraith 1999:17).

Во-вторых, не повторяет ли сегодняшнее вмешательство государства в дела рынка вмешательства, ставшие результатом кризиса 1930-х гг.? Если «да», то тогда прав был Карл Поланьи, говоривший о «двойном движении» капитализма: период рыночного дерегулирования порождает такую волатильность и такие страдания, что это приводит к политической реакции, призванной «вернуть» рынки под контроль общества. Так что второй вопрос может быть переформулирован следующим образом: действительно ли мы в начале второго этапа «двойного движения» по Поланьи?

Мой короткий ответ таков: государство возвращается в финансовый и даже в некоторые производственные сектора, но его возвращение неизбежно окажется ограниченным, так как, во-первых, неолиберальные нормы и институты за последние несколько десятилетий вплелись в экономики всего мира, а во-вторых, альтернативный набор положений еще не стал предметом всеобщего консенсуса, что оставляет принципы свободного рынка и международной экономической интеграции опцией по умолчанию (что называется, *за не имением лучшего*). Политические партии, называющие себя левоцентристскими, например, британские лейбористы, глубоко преданы идее глобализации и неолиберализма как стратегически верного направления. Не в последнюю очередь это связано с тем, что они зависят от финансовой и медийной поддержки лиц, одобряющих данную политику и лежащие в ее основании идеи. Таким образом, политика вмешательства, ставшая результатом кризиса, все больше напоминает политику *ad hoc*, движимую отчаянием.

Адвокат, известный как «серый кардинал» Уолл-Стрит, недавно заверил общественность, что будущее Уолл-Стрит будет мало отличаться от его прошлого. Как он пояснил, «я далеко не убежден в том, что система имеет какие-то внутренние сбои» (Krugman 2009). Обитатели Уолл-Стрит интерпретируют мягкость федеральной власти (и министерства финансов) по отношению к ним как знак того, что вскоре они смогут вернуться к своей обычной работе. Если не будет реформ Уолл-Стрит, то и аналогичные структуры в Лондоне едва ли изменятся. А если не приструнить ни Уолл-Стрит, ни лондонский Сити, эти символы стяжательского индивидуализма, санкционирующие веру в то, что эгоизм в рамках определенных социальных правил есть лучший способ максимизации общественных интересов и что оптимальный уровень экономической открытости это открытость максимальная, то тогда вообще едва ли что изменится.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ КОНСЕНСУС

Опросы мнений экономистов показывают, что большинство западных — и особенно американских — экономистов, начиная с 1980-х гг. и далее, демонстрируют ярко выраженное согласие как с позитивными, так и с нормативными положениями об экономической открытости и ее последствиях. Особенно ярко консенсус проявляется в отношении желательности политики свободной торговли для всех стран, как развитых, так и развивающихся,

плавающего обменного курса, а также большей или меньшей свободы движения капитала.

Например, исследование экономистов в пяти индустриальных странах (США и четыре страны континентальной Европы), проведенное в 1980-х гг., предлагало ученым на выбор тридцать позитивных и нормативных суждений об экономике. Исследуемых просили «согласиться», «согласиться с оговорками» или «не согласиться» с каждым из данных суждений. Больше всего экономистов согласилось с тезисом «тарифы и пошлины на импорт снижают экономическое благосостояние». С данным утверждением согласились 55%, что больше, чем проценты во всех других случаях. Из американских исследователей 79% ответили утвердительно. С другой стороны, если брать французов, то тут согласились лишь 27%. В целом американские экономисты выказали высокую степень единодушия относительно макроэкономических суждений об открытости, приватизации и тому подобном, относительно макроэкономической стабильности они выказали заметно меньшее единодушие (в 1980-е гг. кейнсианские положения подверглись серьезной критике со стороны фридмановского монетаризма). Европейские экономисты продемонстрировали куда меньшую склонность к принципам свободного рынка, чем американцы, особенно равнодушными к данным принципам оказались французы. Позднейшие исследования американских экономистов, одно в 1990 г., а другое в 2000 г. показали, что консенсус по поводу позитивных и нормативных суждений об открытости носит вполне стабильный характер (см.: Frey et al 1984; Fuller and Geide-Stevenson 2003). Например, с тезисом о тарифах и пошлинах на импорт в 2000 г. согласилось столько же ученых, сколько и в 1980-х.

Около 1990 г. Джон Уильямсон описал консенсус, с которым он столкнулся, работая среди специалистов по экономике развития в Вашингтоне (он жил там), а также в Латинской Америке (он часто бывал там, так как его жена родом из Бразилии). Данный консенсус был назван им «вашингтонским». Вашингтонский консенсус включал в себя те макроэкономические суждения об открытости и приватизации, склонность к которым среди американских ученых была выявлена в 1980-х. Позднее Уильямсон утверждал, что ему следовало бы назвать данный консенсус «всеобщей конвергенцией», подчеркнув тем самым, во-первых, что речь идет о тренде политического движения, а не о едином пакете мер, и во-вторых, что не только вашингтонские экономисты и их обожатели солидарны в этих вопросах, но что это свойственно всем экономистам земного шара, прошедшим специальную подготовку. Вашингтонский консенсус или глобализационный консенсус, или неолиберальный консенсус — это взаимозаменяемые понятия — перетек в политику и институты по всему миру не только благодаря курсам экономики в университетах, но еще и в силу определенного порядка доступа к ресурсам.

Например, МВФ и Всемирный банк жестко увязывают либерализацию и приватизацию с займами развивающимся странам. В 1996–1997 гг. МВФ взял под опеку Эфиопию — одну из беднейших стран, не представляющую никакого интереса для международных инвесторов, — он заставил прави-

тельство данной страны открыть счет движения капиталов и учредить вексельный рынок. Отчасти это было сделано для того, чтобы подать сигнал всей остальной Африке к югу от Сахары о необходимости для *каждого* двигаться в сторону финансовой либерализации (Wade 2001).

Начиная с 1990-х гг. Всемирный банк принял формулу оценки национальной политики и институтов (CPIA), в соответствии с которой страны-заемщики оценивались по шкале того, насколько их политический курс и институты способствуют развитию. Показатели сильно влияли на те суммы, которые банк был готов выделить странам с низкими доходами, влияли они и на займы странам со средними доходами. Критерии оценки экономических успехов отражали вашингтонский консенсус. Например, страны могли получить высший бал за свои торговые показатели, лишь если они проводили политику свободной торговли в буквальном смысле этого слова — ни один тариф не должен превышать 15%, средний показатель тарифа должен быть низким и никаких экспортных субсидий или налогов.

Также в 1990-х гг. Всемирный банк принял особую пенсионную программу (Global Pension Policy), которая должна была стимулировать развивающиеся страны перейти от пенсионной системы, когда трудоспособное население оплачивает пенсионеров (PAYG), к системе, когда каждый индивид, пока он работает, вносит деньги в фонд по выбору, а на пенсии уже получает выплаты в соответствии с размером своих прежних инвестиций (Orenstein 2005). Банк с особым вниманием подходил к осуществлению этой реформы, которая мыслилась как план более масштабной стратегии по построению особого типа капитализма в развивающихся странах, образцом которого являлся капитализм англо-американского типа. Индивиды будут вносить деньги в тот или иной фонд. Государства будут приватизировать принадлежащие государству предприятия и выставлять акции на национальную фондовую биржу. Фонды начнут вкладывать деньги как в иностранные акции, так и в акции местных компаний — таким образом, предложение акций недавно приватизированных компаний будет компенсировано спросом на акции со стороны пенсионных фондов. Получается выгодный всем механизм. Например, Всемирный банк протолкнул программу обязательных установленных сверху выплат в пенсионные фонды в таких странах, как Казахстан, в которых едва ли можно было найти должное количество грамотных специалистов и в которых каждый из правящих кланов основал свой фонд, поступления в который каждый лидер клана считал статьей своих личных доходов (Hoffmann et al 2001).

Стоит отметить, что формирование глобализационного консенсуса было достигнуто без самого понятия «глобализация». Само слово было пущено в активный оборот — то есть оно начало использоваться для описания *лейтмотива* нашего времени — лишь во второй половине 1990-х гг. К августу 2000 г. библиотека Гарвардского университета насчитывала 271 книгу, название которой содержало слово «глобализация», из них только пять были опубликованы до 1990 г., а 85% датировались второй половиной 1990-х. Пять лет спустя в 2005 г. число книг со словом «глобализация»

в названии увеличилось почти в десять раз — их стало порядка двух с половиной тысяч.

К 2004 г. понятие «глобализация» было у всех на устах; в этом году Мартин Вольф, ведущий экономический комментатор *The Financial Times*, опубликовал манифест глобализации под названием «Почему глобализация работает». Во-первых, Вольф утверждал, что люди всего мира получили возможность улучшить свое материальное благосостояние, способствуя укреплению экономической интеграции между государствами. И процесс этот, по его мнению, лишь едва начался.

Проблемы нашего мира связаны не с тем, что в нем слишком много глобализации, а в том, что ее слишком мало. Потенциал для большей экономической интеграции лишь едва намечен. Нам нужно больше мировых рынков, если мы хотим поднять стандарты жизни всех бедняков этого мира (Wolf 2004: 4).

Он полагал, что США должны стать моделью для всего мира — глобального мира, в котором у отдельных государств будет средств влиять на сделки, заключаемые поверх границ, равно как и на правила внутренней экономической жизни, не больше, чем у правительств отдельных штатов в США. Во-вторых, Вольф утверждал, что перспектива значительного улучшения материального благосостояния находится под угрозой со стороны «антиглобалистов». Перед лицом этой угрозы:

Социал-демократы, классические либералы и демократически настроенные консерваторы должны сплотиться во имя идеи совершенствования либеральной экономики против врагов, собирающихся как у ворот, так и за ними. Такова главная идея данной книги (Wolf 2004: 4. Курсив мой — Р. У.).

«Глобализационный консенсус» под вопросом

Если мнение американских экономистов — это критерий, то тогда сравнение их ответов на вопросы о либерализации и открытости из опросов 1980, 1990 и 2000 гг. с данными грядущего опроса 2010 г. позволит нам оценить масштаб ослабления глобализационного консенсуса. Мой прогноз таков: сравнение покажет значительное ослабление позиций данного консенсуса.

Финансовый кризис

Ничто так не способно потревожить сон устоявшегося мнения, как острый кризис, угрожающий материальному благосостоянию политиков, чиновников и интеллектуалов. Особенно, если сам этот кризис стал результатом условий, одобренных дремотным молчанием. Если нынешний кризис и способен привести к чему-то, так это именно к пробуждению.

Великая волна финансового дерегулирования, набирающая обороты в мировом масштабе начиная с 1970-х гг., получила свое оправдание в фило-

софии Милтона Фридмана и его коллег по Чикагской школе. Они сформулировали ее в форме «гипотезы эффективного рынка», которая звучит следующим образом: беспрепятственная конкуренция в отличие от регулирования есть лучший способ дисциплинирования поведения на финансовом рынке, так как финансовые рынки гибки и способны достичь равновесия самостоятельно. Они постоянно очищаются и способствуют установлению корректного ценового риска и дохода. Подразумевается, что конкурентные активы в самой их «сути» не могут быть пере- или недооценены. Согласно такой позиции, любое предлагаемое политическое вмешательство, направленное на урезание роста цен на активы, отвергается как «финансовая репрессия» и автоматически объявляется чем-то негативным.

Данная аргументация получила всеобщее распространение после краха Бреттон-Вудской системы в начале 1970-х гг., после этого в мире начала реализовываться оптимальная финансовая модель, опирающаяся на три столпа, каждый из которых имеет свою сферу ответственности: центральные банки за счет краткосрочного регулирования ставки процента следят за тем, чтобы инфляция была на низком уровне; регулирующие инстанции следят за тем, чтобы конкретные финансовые компании действовали благоразумно; наконец, рынки капиталов в соответствии со своей логикой и без какого-либо «государственного вмешательства» определяют цены активов и распределение инвестиций.

Нынешний финансовый кризис впервые поставил это архитектурное распределение обязанностей под серьезный вопрос. Все три столпа дали одновременный сбой. Кризис стал прекрасным испытанием в естественных условиях «гипотезы эффективного рынка».

США прошли через крупную финансовую либерализацию в 1990-х гг. — не через либерализацию *de jure*, но именно *de facto*, когда едва регулируемые элементы из теневой банковской системы, например, ипотечные брокеры, начали играть куда большую роль в финансовой системе. Так, субстандартный ипотечный рынок стал наименее регулируемой частью американского ипотечного рынка, в этом качестве его нахваливали многие экономисты, в частности, Алан Гринспен, глава Федеральной резервной системы США. Как утверждалось, в силу отсутствия регулирования субстандартный ипотечный рынок осуществил множество финансовых инноваций, которые не просто являлись благом сами по себе, но еще и позволили американским нищим купить себе дома и стать заинтересованной стороной из американской мечты. Сегодня мы чуть иначе смотрим на последствия фактической либерализации. Небрежные и неосторожные вложения Уолл-Стрит и теневой банковской системы в субстандартный рынок стали важным фактором в начале того, что стало глобальным экономическим кризисом. Подобное поведение было вызвано сочетанием недостаточного контроля, дешевых кредитов Федеральной резервной системы и системы корпоративного управления, которая поощряла менеджмент и ипотечных брокеров за максимизацию займов вне зависимости от их благоразумности (Palley 2008; Wade 2008a). Методы «секьюритизации», основанные на информационных

и коммуникационных технологиях, позволили менеджерам выдавать рискованные активы за вполне безопасные и продавать их по всему миру покупателям, которые мало что понимали в содержании обеспеченных активами ценных бумаг. Затем эти продажи фиксировались как прибыль, а сами менеджеры замирали в предвкушении ожидающих их ежегодных бонусов.

Как уныло констатировал Мартин Вольф:

Происходящее на кредитных рынках сегодня стало настоящим ударом по доверию к англо-саксонской модели ориентированного на сделки финансового капитализма (Wolf 2007).

Пол Волкер, бывший глава Федеральной резервной системы США, выразился еще резче:

Блестящая новая финансовая система со всеми ее талантливими участниками, со всеми ее богатыми дарами не прошла тест рынка (цит. по Chakraborty 2008).

Идея возвращения к регулированию витает в воздухе. Некоторые видные публичные фигуры даже призывают к принятию мер, напоминающих акт Гласса—Стигала, относящийся к временам Великой депрессии. Данный акт отделял американские коммерческие банки, работающие со вкладами, от инвестиционных банков и трейдеров по ценным бумагам. Он был отменен в 1999 г. Такие певцы глобализации, как Алан Гринспен, демонстрируют высокую степень обеспокоенности. В статье в издании *The Financial Times* (от 5 августа 2008 г.) он писал: «Мир должен отвергнуть призывы к сдерживанию финансовых рынков».

Изъяны свидетельств в пользу глобализации

Короче говоря, из-за кризиса многие аналитики и политики, прежде соглашавшиеся с аргументами в пользу дерегулируемой финансовой модели, ныне готовы усомниться в них. Сомнение в модели дерегулированных финансов толкает нас на более скептическое отношение и к прочим свидетельствам в пользу общего нарратива глобализации.

Если подвергнуть данные в пользу глобализации тщательному изучению, то окажется, что они ничего не стоят. После этого остается только удивляться силе «предвзятости подтверждения» в экономической науке, которая позволила шаткой аргументации в течение столь долгого времени продержаться нетронутой. Ниже я продемонстрирую слабость трех хорошо известных доводов в пользу глобализации.

История догоняющего роста

Во-первых, позитивная корреляция между а) тенденцией к усилению торговой и финансовой либерализации, начавшейся в мировом масштабе где-то около 1980 г. и б) тенденцией к сокращению разрыва между средними

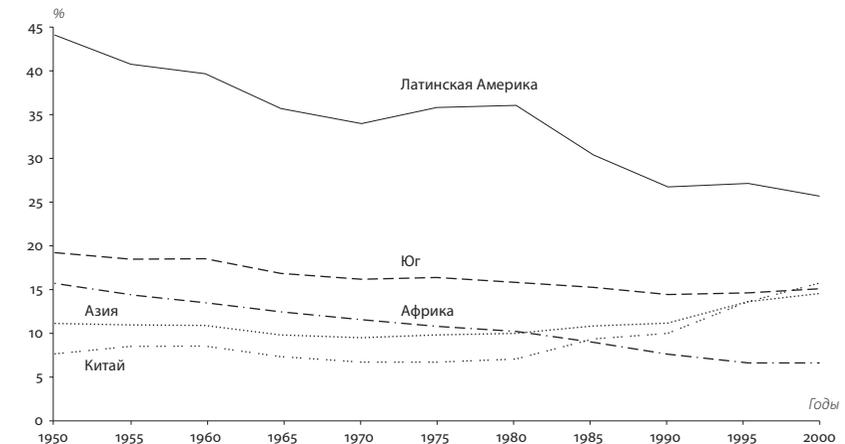

График 1. Доход на душу населения (паритет покупательной способности в долларах) в процентах от данного показателя на Севере (по вертикали)

Источник: воспроизведено с разрешения Боба Сатклифа, опирающегося на: Maddison 2003.

доходами в развивающихся и развитых странах. Выдвигается тезис о том, что а) привело к б) (см. также: Wade 2008 b).

На Граф. 1 показаны средние доходы в разных регионах (1950–2001), по паритету покупательной способности (ППС) в долларах, данные показатели являются пропорцией от среднего показателя на Севере или в первом мире. Отчетливая тенденция к расхождению просто очевидна. Исключение составляет Азия. Даже спустя двадцать лет роста азиатские показатели лишь слегка приблизились к показателям Юга. Таким образом, Граф. 1 показывает сочетание снижения с некоторым сближением в случае Азии. Но это точно никак не соответствует тезису о том, что общий процесс глобализации привел к общему процессу догоняющего роста.

На Граф. 2 представлена более общая картина: соотношение среднего дохода (ППС в долларах) стран третьего мира со странами мира первого (1960–2007). Отсюда исключены «переходные страны». Если брать ту линию, которая включает Китай, то заметна отчетливая и резкая тенденция в сторону сближения, начинающая с 1980-х и продолжающаяся по сей день, — в данном случае нарратив глобализации оказывается верен. Однако обратите внимание, что даже спустя двадцать лет ППС стран третьего мира лишь приближается к 20% от данного показателя в первом мире (Freedman в печати).

Вторая линия показывает соотношение без учета Китая. Здесь никакого сближения нет. Наоборот, в 1980-х показатели падают, затем слегка выравниваются и лишь затем с 2004 по 2007 г. наблюдается некоторый рост — удастся достичь лишь 15% от показателя стран первого мира (в отличие от 18%, когда учитывается еще и Китай). И вновь речь идет о расхождении, но никак не сближении.

График 2. Мировое неравенство в свете паритета покупательной способности (чем ниже показатель, тем меньше равенства)

Источник: Freeman 2009.

Другими словами, нет Китая, нет и роста. Если эмпирическая достоверность нарратива о глобализации зависит от одной страны, Китая, то тогда есть все основания усомниться в данном нарративе. Тот факт, что политика данной страны по целому ряду критериев не соответствует политике «глобализации», лишь подтверждает высказанный тезис. Политический режим Китая излишне регулируем, чтобы быть на хорошем счету в соответствии с критериями глобализации или вашингтонского консенсуса, в отличие, например, от политических режимов Мексики или Гаити, которые куда лучше удовлетворяют глобализационным критериям.

Более того, когда доходы сравниваются на основе рыночного валютного курса, то тут уже нет никакой разницы, включается Китай или нет: нарратив глобализации о догоняющем развитии не работает, точка. Граф. 3 показывает соотношение показателей (валютный курс) доходов стран третьего мира с данными показателями стран мира первого (1960–2007), включая и исключая Китай. Нарратив о глобализации не подтверждается ни одной из линий — мы не видим никакого догоняющего роста после начала торговой и финансовой либерализации в 1980-х. Вместо этого мы видим резкое падение, продолжающееся все 1980-е: показатель падает с 8–10% до 4–5%, затем в 1990-х — начале 2000-х гг. происходит выравнивание, которое венчается небольшим ростом в 2004 г. Согласно последним данным, показатель соотношения прибыли третьего мира и мира первого в 2007 г. был заметно ниже данного показателя 1980 г.

Совершенно очевидно, что распределение прибыли по показателям рыночного валютного курса стало гораздо более неравным, начиная с 1980 г., лишь в последние пару лет оно чуть улучшилось, благодаря товарному буму 2000-х гг., а вовсе не благодаря расцвету торговой и финансовой либерализации, как гласит нарратив глобализации.

График 3. Мировое неравенство (чем ниже — тем большее неравенство)

Источник: Freeman 2009.

Короче говоря, эмпирическая достоверность нарратива глобализации о догоняющем росте, постулирующего позитивную корреляцию между а) торговой и финансовой либерализацией в мировом масштабе и б) догоняющим ростом в третьем мире, целиком опирается на показатели ППС и учет одной страны, Китая (если данная страна исключается, то тогда даже показатели ППС оказываются обратными).

В силу того, что ответ на вопрос о том, что же происходит с глобальным распределением доходов, зависит от того, какой показатель используется — паритет покупательной способности или показатель валютного курса — возникает еще один вопрос: какой именно показатель является предпочтительным. Однозначного ответа не существует. На вопросы об относительном благосостоянии людей в различных странах лучше всего отвечать, используя показатели ППС. На вопросы об относительной покупательной способности жителей разных стран касательно товаров и услуг, производимых в иных странах, — включая вопросы о способности развивающихся стран платить по долгам, импортировать средства производства и промежуточные товары, участвовать в международных организациях и международных соглашениях, а также о стимулах для эмиграции жителей страны — лучше всего отвечать, опираясь на показатели валютного курса (это главная причина, почему социологи предпочитают именно этот показатель для проведения межстрановых сравнений).

Экономисты же обычно указывают на то, что следует использовать лишь показатели ППС, как если бы единственным важным вопросом был вопрос об относительном материальном благополучии. В одной из своих статей я указал на то, что доходы по показателям валютного курса более уместны при рассмотрении одних вопросов, тогда как доходы по паритету покупа-

тельной способности — для других. Один из обозревателей так прокомментировал мои идеи:

Идея использования показателей валютного курса для расчета международного неравенства невероятно глупа, просто удивительно, что она еще кем-то разделяется. ООН создала особую комиссию по данному вопросу, которая недвусмысленно установила, что показатель валютного курса — ошибочный критерий (цит. по: Wade 2004a).

Экономисты, которые разделяют такое мнение, не замечают фундаментальные недостатки статистики, основанной на ППС, указывая при этом на слабости показателя валютного курса. Можно указать на одну из слабостей данных на основе ППС: они учитывают цены на *потребительские* товары и услуги; при этом при расчете покупательной способности игнорируются цены на средства производства и промежуточные товары. Однако сравнение цен на средства производства в ряде развитых и развивающихся стран показало, что в среднем цена на средства производства по сравнению с ценой на потребительские товары в развитых странах отличалась на 100%, тогда как в развивающихся странах — на все 200%. Другими словами, в развивающихся странах относительная цена на средства производства в два раза превышала цену на потребительские товары. То же самое можно сказать и про цены на промежуточные товары.

Цены на средства производства и промежуточные товары — ключевой фактор для индустриализации и роста производительности. Покупательная способность валют развивающихся стран по отношению к этим ключевым инвестициям куда ниже, чем их покупательная способность по отношению к потребительским товарам. Исключая из подсчета ППС средства производства и промежуточные товары, данные ППС преувеличивают прогресс развивающихся стран, утаивая те проблемы, с которыми они сталкиваются при индустриализации. Таким образом, мировая экономика выглядит куда лучше, чем было бы, если бы она оценивалась в соответствии с показателями валютных курсов. Покупательная способность начинает казаться куда более равной, чем она является на самом деле.

Экономисты, утверждающие, что следует полагаться лишь на показатели ППС, скорее всего, стали жертвами одобряющего предрассудка. Как пишет Алан Фриман: «Статистика ППС... заставляет глобализацию казаться хорошей. Кроме того, в хорошем свете предстают Всемирный банк и МВФ».

Однако в 2007 г. Всемирный банк анонсировал значимые корректировки в показателях доходов по ППС — данные корректировки можно считать крупнейшими в истории мировой экономической статистики. Опираясь на новое международное исследование цен, проведенное в 2005 г., банк понизил паритет покупательной способности ВВП Китая и Индии почти на 40%. Некоторые аналитики, не относящиеся к Мировому банку, указывают, что новые данные по ВВП были получены после утроения числа нищих в Китае со ста миллионов до трехсот и удвоения этого показателя в Индии с четырехсот миллионов до восьмисот. При этом сам Всемирный банк утверждает,

что увеличение числа лиц, находящихся за чертой бедности, было, но чуть менее значительным (Chen and Ravallion 2008)².

Подобный пересмотр опровергает нарратив о глобализации. Он еще раз подтверждает то, что ясно из иных показателей: развивающиеся страны в целом гораздо беднее, чем считалось, и разрыв между ними и развитыми странами куда значительней. Возможно (но тут можно спорить), новые данные также подтверждают тезис о том, что общее развитие мировой экономики идет по направлению к *расхождению* показателей доходов между богатыми и бедными странами (лишь Китай и некоторые части Азии составляют исключение из этого общего тренда). Однако по-прежнему остается вопрос, можно ли доверять новым показателям ППС больше, чем старым.

По крайней мере в случае Китая все не так просто. Во-первых, показатели ППС по ВВП, а также показатели бедности Китая вплоть до последних подсчетов опирались отнюдь не на непосредственное исследование цен, так как китайское правительство отказывалось проводить такие исследования по методологии проекта Международного сравнения цен (как раз данный проект и снабжает нас цифрами ППС) с тех самых пор, как эти исследования начались в 1980 г. Китайские показатели ППС с самого начала опирались на эконометрические предположения исходя из показателей других стран, дополненные обрывками реальных знаний; конечно, то не было гаданием, но чем-то близким. Во-вторых, когда китайское правительство в 2005 г. впервые разрешило провести исследование цен по методологии международного проекта, оно раскрыло цены лишь в одиннадцати городах, тем самым придав результатам сильный урбанистический уклон; инструкция из методологического пособия выбирать «товары и услуги, представленные на мировом рынке» была проинтерпретирована китайцами как необходимость учитывать лишь те товары, которые продаются в универсамах³. Не удивительно, что в результате уровень цен «в Китае» оказался куда выше, чем предполагалось прежде; а значит, и покупательная способность ВВП Китая в юанях относительно реальных товаров и услуг вышла куда меньшей. Не ясно, насколько большего доверия заслуживают новые данные по сравнению со старыми. А учитывая роль Китая в мировых процессах, данная проблема представляется весьма насущной.

Нарратив сокращения бедности

Второй тип доказательств, приводимых глашатаями глобализации, касается тенденции относительно числа бедных — то есть числа тех людей, которые живут на доход (по ППС в долларах) менее одного доллара в день. Один доллар в день традиционно считается порогом «крайней» бедности, два долла-

2. Об утроении и удвоении числа крайне бедных в Китае и Индии говорится в работе: Keidel 2007. Это утверждение оспаривается: Chen and Ravallion 2008.

3. Из беседы со специалистом Всемирного банка по китайской статистике, который попросил сохранить его имя в тайне.

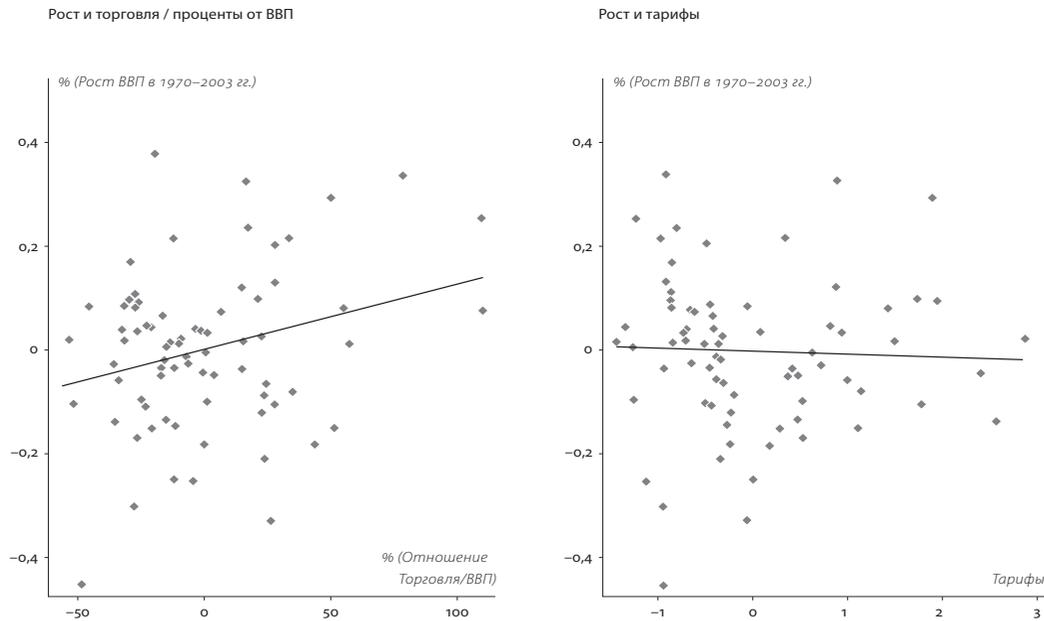

График 2. Рост, торговля и торговая либерализация

Источник: Rodriguez 2008b.

ра — это «простая» нищета. Согласно подсчетам Всемирного банка, в 1985 г. 1,5 миллиарда человек жили в крайней бедности, в 2001 г. таковых осталось лишь 1,1 миллиард, то есть произошло снижение почти на 400 миллионов человек. Доля же в мировом населении тех, кто живет в крайней бедности, за это время сократилась практически вдвое — если в 1981 г. таковых было 33%, то в 2001 г. их осталось 18% (Wade 2008a).

Данные по крайней бедности широко рекламировались как подтверждение того, что «глобализация работает» (особенно тут усердствовали сторонники Всемирного банка), ведь существенное сокращение нищих совпало с глобальным поворотом в сторону торговли и финансовой либерализации. Естественно, данные показатели также служат доказательством прекрасной работы Всемирного банка в деле борьбы с всеобщей бедностью. Во-первых, данные о сокращении крайней нищеты целиком зависят от статистики Китая. Если Китай исключить, то тогда цифры крайней нищеты возрастают (хотя *пропорции* населения, находящегося в условиях крайней нищеты, действительно идут на спад, даже если мы исключим Китай). Во-вторых, если взять за точку отсчета «обыкновенную» нищету, то есть два доллара в день, то тогда даже с учетом Китая показатели обычной нищеты за период с 1981 по 2001 гг. *возрастают* (Wade 2008a).

Нарратив роста торговли

Третий тип расхожих доказательств касается эконометрических данных относительно связи торговли и экономического роста. Типичный пример — это левая часть Граф. 4, который показывает на примере множества стран связь между долей торговли в ВВП и ростом ВВП. Как обычно указывается, позитивная корреляция подразумевает, что по мере роста доли торговли в ВВП, сам ВВП растет. Исходя из этого, глашатаи глобализации выдвинули предположение, что *либерализация торговой политики* приводит к стимулированию роста. Они опираются на допущение о том, что более высокие показатели торговли в ВВП зависят от либеральной торговой политики. Получается следующая картина: либерализация приводит к возрастанию доли торговли в ВВП, что, в свою очередь, как свидетельствуют данные, ведет к ускорению роста (Rodriguez 2008a).

Среди многих изъянов данного аргумента можно выделить следующий: он опирается на *линейную* регрессию. Выбор линейной регрессии логически вытекает из предпосылки о том, что следствие повышения величины независимой переменной (в данном случае доли торговли) будет одним и тем же для всех стран, вне зависимости от изначальной величины данной переменной и иных переменных, которые могут повлиять на результат; таким образом, получается, что результат десятипроцентного возрастания доли торговли будет одним и тем же вне зависимости от того, является ли изначальная величина доли торговли 5 или 30%, а также вне зависимости от того, является ли данная страна экспортером сырья или же готовых товаров.

Хуже того, данный аргумент фальсифицирует связь между политическими инструментами и «результатами», *предполагая* позитивную корреляцию между долей торговли и тарифами, а также контролем за импортом. Когда мы сопоставляем тарифы как независимую переменную с ростом как зависимой переменной, то мы не обнаруживаем никакой связи между ростом и тарифами. Взглянем на правую часть Граф. 4. Можно и не говорить о том, что глашатаи глобализации стараются не обращать внимания на данные факты. Еще один пример предвзятого поиска подтверждения.

Всемирный банк знает все про предвзятые подтверждения. Например, авторы «Доклада о мировом развитии» 1987 г. поставили своей целью доказать, что «ориентированные вовне» экономики куда лучше функционируют, чем экономики, «ориентированные вовнутрь». Они составили классификацию развивающихся стран на основе четырех категорий: «значительно» и «умеренно» ориентированные внутри страны, «значительно» и «умеренно» ориентированные вовне страны. Затем они посчитали средние показатели для каждой категории по целому ряду пунктов. «Умеренно» ориентированные вовнутрь страны показали наилучшие результаты — отнюдь не тот результат, который выгоден банку. Тогда авторы просто совместили результаты по двум подкатегориям и сравнили внутри ориентированные страны с ориентированными вовне. Это дало нужный результат. Однако необходимо было как-то компенсировать прекрасные показатели «умеренно» ориентированных вовнутрь стран,

необходимо было доказать, что максимально ориентированные вовне страны показывают просто блестящий результат. Лишь три страны были включены в список максимально ориентированных вовне стран: Южная Корея, Гонконг и Сингапур. Так как доля страны зависела от населения, то показанные результаты были, прежде всего, результатами Кореи. Однако по критериям «Доклада о мировом развитии» (вот эти критерии — практически полное отсутствие контроля за торговлей, низкие средние тарифы, незначительные различия тарифов по отраслям) Корея в указанный промежуток не могла быть отнесена к максимально ориентированным вовне странам. В Корее очень быстро росла торговля, но обеспечивалось это дотошно управляемым режимом торговли. Нужно было очень постараться, чтобы включить данную страну в число предельно ориентированных вовне держав (Wade 2004b).

Как теория, так и практика последних двух десятилетий препятствует безоговорочному одобрению свободной или почти свободной торговли. Тезис том, что «тарифы и контроль за импортом занижают экономическое благополучие», вызовет среди специалистов по торговле куда меньшее одобрение, чем среди экономистов общего профиля (Wade 2009). Однако «развитое международное сообщество» едва ли готово пересмотреть свою преданность идее свободной торговли.

Заключение

Принятие гипотез, в том числе и более-менее объективными учеными, всегда отнюдь не полностью определяется фактическим материалом. Но все же для тех, кто бы хотел верить, что мы можем как одобрять или не одобрять нечто в соответствии с нашими прежними ценностями, так и позволять фактам налагать ограничения на наши суждения, огромным шоком является осознание, насколько же уязвимы те данные, которые приводятся в защиту глобализации. Лишь слегка поскребите эти данные, и лавина их доля просто рассыплется. Похоже, глашатаи глобализации просто ищут доказательств выгодной им политики, прикрываясь лозунгами о том, что это политика, которая «всего лишь» подтверждается фактами. Я полагаю, что слабость доказательств — учитывая то, насколько сильно нынешний кризис пошатнул сладкую дремоту очевидных истин, — приведет к появлению куда большего числа негативных суждений о глобализации в следующем опросе американских экономистов, который должен выйти в 2010 г.

ВТОРОЙ ШАГ «ДВОЙНОГО ДВИЖЕНИЯ» ПОЛАНЬИ?

Допустим, что глобализационный консенсус среди экономистов действительно ослаб. Значит ли это, что эпоха Милтона Фридмана близится к своему концу? Увидим ли мы к 2010 или 2015 г. решительный пересмотр финансовой политики все большей либерализации, который станет зеркальным отражением того поворота, который произошел пару лет спустя после 1933 г.? Например, признает ли МВФ легитимность контроля над движением

капитала нормальным инструментом экономической политики? Будет ли Всемирный банк проталкивать пенсионную систему, при которой работающее население платит пенсионерам (PAYG)? Станут ли национальные банки более активными в деле ограничения финансовых пузырей на том основании, что раз уж им приходится налаживать процесс после того, как очередной пузырь лопнул, так может быть они должны обладать властью и инструментами урезания этих пузырей? Увидим ли мы возрастание доли государственной собственности или, по крайней мере, государственные гарантии в англо-саксонской банковской системе, что позволит создать некое подобие «смешанной экономики» в банковском деле и финансах? Если заниматься экстраполяцией из текущих трендов (государства используют любую мыслимую и немыслимую политику для обуздания кризиса), то тогда ответ очевиден — «да». Однако делать экстраполяцию, простирающуюся дальше простого восстановления после кризиса, не слишком разумно⁴.

Шок как основание «Нового курса»

Первая причина для скепсиса — это то, что текущий кризис едва ли окажется столь же разрушительным для основных экономик, как и Великая депрессия для США, где за период с 1929 по 1933 гг. объем производства снизился на треть, а безработица выросла на 25%. (Хотя Япония в первой половине 2009 г. просела, похоже, еще сильнее любой страны во времена Великой депрессии.) Будь шок от Великой депрессии чуть меньшим, прогрессивным реформаторам «Нового курса» так и не удалось бы преодолеть значительного сопротивления американского бизнеса, особенно финансового. Такие меры, как акт Гласса-Стигала и создание Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям (для надзора за инвестиционными банками), были бы попросту невозможными. С 1980-х гг. финансы США куда теснее вплелись в политику, поэтому преодолеть их сопротивление уже гораздо труднее — к этому моменту я вернусь чуть позднее. Учитывая, что межстрановое сотрудничество на основе либеральных экономических принципов не пострадало так, как то было в 1920-х гг. (именно это стало причиной Великой депрессии), нынешнего шока окажется недостаточно для серьезного перетряхивания либеральных норм после того, как произойдет восстановление, особенно на Западе.

Последствия кризиса в Восточной Азии

Вторая причина касается последствий кризиса в Восточной Азии, разразившегося в 1997–1998 гг. После его начала стало очевидно, что этот кризис

4. Сам язык, используемый специалистами, становится серьезным препятствием для более активной государственной политики. «Финансовая репрессия» — распространенное обозначение любых форм государственного «вмешательства» в финансовый рынок, которые «искажают» цены и не дают им достичь «истинного» равновесия. Любое подобное вмешательство вызывает автоматическое неприятие просто потому, что всякая вещь, называемая «репрессией», должна быть злом.

будет оттеснен на периферию мировой экономики, первоначальные разговоры о необходимости «новой международной финансовой архитектуры» очень быстро сошли на нет. Победила точка зрения, что кризис в Восточной Азии был вызван тем, что фирмы, а также правительства региона ввели своих западных партнеров в заблуждение. Вот как гласит опубликованный в 2001 г. документ Всемирного банка:

Выводы свидетельствуют о том, что затронутые кризисом страны не следовали Международным стандартам финансовой отчетности и что это могло стать причиной начала кризиса. Пользователи данных отчетов были *введены в заблуждение*, поэтому они не смогли вовремя предпринять необходимые меры (Vishwanath and Kaufman 2001: 44, цит. по Wade 2007).

Подобное объяснение оставляет гипотезу об эффективности рынков незатронутой, также незатронутыми остаются и ее следствия, например, что финансовым рынкам следует предоставить право регулировать себя самостоятельно, тогда они будут функционировать наилучшим образом (то есть предоставлять всем участникам качественную и общедоступную информацию). Ответом на кризис в Восточной Азии стало создание целого ряда говорилен, например, Форума финансовой стабильности, а также Большой двадцатки, кроме того, были выработаны «стандарты наилучшей практики» в таких областях, как банковские модели оценки рисков, корпоративное управление, финансовая отчетность, а также распространение информации. МВФ получила больше полномочий в процессе мониторинга за тем, как страны выполняют стандарты, кроме того, данная организация стала более активно указывать национальным властям на те сферы, которые требуют их повышенного внимания. Предполагалось, что «рынки» обеспечат механизмы соответствия: оценки МВФ о соответствии международным стандартам прямо или косвенно будут влиять на инвестиционные решения финансовых акторов, которые станут вознаграждать страны с лучшими показателями соответствия и наказывать страны с худшими показателями. Тем самым правительства получают стимулы для проведения реформ, способных привести их страны в лучшее соответствие со стандартами наилучшей практики. Я называю данную систему системой «стандарты—надзор—соответствие» (СНС) (Lukaskas and Livera-Batiz 2001; Wade 2007).

В основе решения ввести систему СНС было желание добиться следующих целей: во-первых, повышение качества информации на финансовых рынках; во-вторых, пресечение попыток введения ограничений на деятельность финансовых компаний со стороны национальных правительств (например, в духе акта Гласса—Стигала); во-третьих, пресечение попыток усиления международного и наднационального регулирования; наконец, в-четвертых, утверждение англосаксонской модели капитализма, основанной на капитале и рынках, как наилучшей в «практическом смысле» модели капитализма. В определенном смысле система СНС, введенная в действие после восточноазиатского кризиса, представляла собой отход от вашингтонского кон-

сенсуса с его идеей «либерализации рынка» в направлении того, что можно назвать поствашингтонским консенсусом, то есть «стандартизации рынка» в соответствии с нормами англо-саксонского капитализма (Vestergaard 2009).

Ирония заключается в том, что после всех усилий по формулированию стандартов наилучшей практики с целью улучшения качества информации и стандартизации национальных политических экономий в духе англо-американской модели, текущий долговой кризис оказался во многом результатом именно абсолютной непрозрачности англо-американских финансовых рынков. Данная непрозрачность была порождена стимулами банковской модели по типу «создать и распределить», которая в 1990-е гг. начисто вымела все, что было до нее (Wade 2008a).

Финансиализация зашла слишком далеко и стала слишком сложной и глобальной

Третья причина сомневаться в том, что нас ждет нечто большее, нежели просто кратковременный второй шаг, описанный Поланьи, заключается в том, что финансы в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также в институтах мировой экономики стали «слишком серьезным фактором». Им едва ли можно что-то противопоставить за исключением ряда маргинальных мер (а также второй Великой депрессии). Процесс финансового доминирования — который я предпочитаю называть «финансиализацией экономики» — может быть количественно измерен такими показателями, как сумма непогашенных кредитов в процентах от ВВП. В США данный показатель вырос со 170% в 1981 г. до более чем 350% в 2007 г. Институционально «финансиализация экономики» может быть измерена тем, что все прочие экономические институты, включая корпорации, домовладения и пенсионные фонды, были реструктурированы под нужды рынка капиталов как основополагающего института экономики (Doge 2000). Не удивительно, что Поланьи не смог предвидеть механизм, посредством которого финансы обретут могущество, достаточное для блокирования обратного движения, направленного на то, чтобы поставить рынки под контроль общества.

Нормативный переход, которому сильно поспособствовали Всемирный банк и МВФ, от пенсионной системы типа PAYG к пенсионным фондам представляет собой важный шаг в более глобальном процессе «финансиализации экономики». Тезис о том, что система PAYG является устаревшей и что будущее за пенсионными фондами, кажется настолько очевидным, что банк Мерил-Линч даже опубликовал особый доклад, посвященный «пенсионной реформе», там можно увидеть таблицу, отделяющую достойных похвалы «реформаторов» пенсионной системы от лентяев. Основанием для разделения является мера того, насколько удалось сократить масштабы государственного участия в поддержке пожилых людей (Merrill Lynch 2001). Данный переход оправдывается тем, что население мира стареет, как если бы сам

факт старения не оставлял бы никакой альтернативы, кроме перехода к пенсионным фондам и уменьшению роли государства в обеспечении доходов пенсионеров. Однако желание уничтожить систему PAYG как устаревшую, равно как и отказ изучить возможности ее реформирования для решения проблемы старения, сильно связаны с более общей задачей по поддержанию «глобализационного проекта» и нивелированию средоточений, способных поддержать «отказ от участия» в неолиберализме, который когда либо может быть инициирован каким-нибудь государством.

Переход к фондам, управляемым частными лицами, в которые необходимо делать оговоренные вложения, создает все больше людей — относительно богатых, публичных и влиятельных, — напрямую зависящих от глобальных финансовых рынков и инвестиционных банков, так как их сбережения попадают на глобальные рынки через менеджеров по управлению активами, действующих скорее через вторичные рынки по всему миру, чем через банки. Отсюда следует, что это большое и все время растущее число людей оказывается заинтересованным скорее в защите потоков доходов от капитала (включая дивиденды), чем в защите потоков трудовых доходов (прежде всего, от работы по найму). Переключив значимую часть экономики с государства на рынок, а также сократив распределение рисков между поколениями, данный переход позволил ослабить легитимность государства как органа, обеспечивающего осуществление норм социальной солидарности; а социальная солидарность является необходимым предварительным условием для возникновения коалиции, способной добиться чего-то, помимо максимальной открытости для международной экономики. Таким образом, переход от системы PAYG к пенсионным фондам позволил закрепить целый ряд национальных и глобальных институтов, способствующих «финансализации экономики». Данные институты превозносятся как эффективные, сокращающие нищету и даже неравенство. Однако поддерживающая данные институты коалиция, на самом деле, поддерживает их — и вознаграждает аналитиков, делающих то же самое, — потому что рынки, устроенные таким образом, распределяют доходы и богатство в пользу наиболее обеспеченных, как внутри государств, так и между государствами. Перед лицом коллапса многих из этих фондов нас вполне может ждать новая волна внимания к системам PAYG; но как только фондовая биржа восстановится, усилия по насаждению пенсионных фондов возобновятся.

Глобализация и перетекание доходов наверх

Граф. 5 дает нам ключ к пониманию внутреннего императива проекта глобализации, а также того, почему наиболее влиятельные люди поддерживают его ключевой импульс, направленный на приватизацию, либерализацию и дерегулирование. Данный график показывает, что доля доходов (в том числе и прибыль на капитал), полученных 1%, 0,1% и 0,01% наиболее богатых людей США, в 1929 г. достигла своего пика и составила 22,5%, затем к 1970-м гг. она резко снизилась до 9%, затем же после 1980 г. вместе с «гло-

График 3. Доля наиболее богатых 0,01%, 0,1% и 1% от семейных доходов в США

Источник: Palma 2009, воспроизводится с разрешения.

бализацией» и экономическими реформами Рейгана и Тэтчер она начала резко расти, достигнув в 2006 году пика 1929 г. Очевидно, что верхушка, получающая максимум доходов в США, вполне удовлетворена институциональными механизмами, которые сделали это возможным, поэтому она пытается восстановить *статус кво* сразу же, как это станет возможным, устранив при этом все те государственные ограничения, которые были введены во время кризиса (Dumenil and Levy 2004; Харви 2007; Palma 2009). Более того, те же самые «неолиберальные» институты приводят к крайне низкой социальной мобильности в англо-американском типе экономики (в отличие от европейских континентальных типов экономики), что дает членам верхушки уверенность в том, что и их дети, а также внуки будут пользоваться все теми же привилегиями. С точки зрения богатых, это тоже очень желаемый итог неолиберальной системы и лежащей в ее основе идеологии. Обратите внимание: в США, равно как и в Великобритании, где рыночные реформы зашли дальше всего во имя борьбы за равенство возможностей, можно наблюдать наиболее низкие показатели межпоколенческой социальной мобильности. Канада, Германия и северные экономики, которые издания типа *The Economist* любят шельмовать как «государства-няньки», все демонстрируют куда более высокие показатели межпоколенческой мобильности (Blandon, Gregg and Machin 2005).

США: доля доходов наиболее богатого 1%, 1913–2006

В мировом масштабе лишь очень небольшое число государств в послевоенную эпоху смогло добиться стабильного роста доходов (таким образом, соотношение их доходов с доходами остальных стран первого мира значительно выросло). Первому миру еще более выгодно то, что число государств

(так называемые государства — «претенденты»⁵, средние доходы которых через одно — два поколения могут достичь показателей стран первого мира) за период с 1978 по 2000 г. лишь сократилось (Milanovic 2005). Еще один плюс в копилку идеологии, которая говорит о равенстве возможностей, а на деле все больше обособляет экономическую олигархию западных стран.

Заключение

Нынешний финансовый кризис бросил тень на модель нерегулируемых финансовых рынков; кроме того, он способствовал усилению внимания к существующим фактам, опровергающим заявления глашатаев глобализации. Как все это повлияет на мнения экономистов, а также на функционирование организаций, занимающихся развитием, — покажет время. Двумя ключевыми показателями здесь служат, во-первых, исследование мнений американских экономистов, которое должно появиться в 2010 г., а во-вторых, индекс Всемирного банка «Оценка институтов и политики страны» (система оценки, которая на сегодняшний день по определению способствует усилению позиций Вашингтонского и глобализационного консенсуса). Как было отмечено, львиная доля свидетельств в пользу тезиса о глобализации чрезвычайно слаба, а его принятие свидетельствует о силе «предвзятости подтверждений», работающих на неолиберальную идеологию. В частности, мной было указано на то, что, судя по правдоподобным подсчетам, межстрановое распределение доходов стало гораздо более неравным за время эры глобализации. Тенденция к расхождению доминирует над тенденцией к сближению, особенно если исключается Китай. Догоняющее развитие вовсе не является доминирующим процессом — все это оказывает далеко идущее влияние на управление миром, конкуренцию между странами и появление новых мессианских лидеров.

Однако, даже учитывая факт ослабления глобализационного консенсуса среди экономистов и факты государственного вмешательства в финансы, мы можем быть вполне уверены: дополнительные ограничения на поведение финансовых акторов будут действовать ровно столько, сколько длится нынешний кризис. Финансовые интересы ключевых государств слишком сильны; идеология свободного рынка слишком сильно вплелась в ДНК экономического мышления Запада, чтобы ее можно было навечно сместить с привычной позиции координатора политической парадигмы. Переход от системы PAYG к пенсионным фондам иллюстрирует лишь одну из многих институциональных перемен, которые пережил капитализм и которые позволили сформироваться прочной коалиции за рынки капитала и за сво-

5. Государство становится «претендентом», если его паритет покупательной способности на душу населения равняется или превышает две трети данного показателя самой бедной страны Западной Европы/Северной Америки/Океании (Греция в 2000 году) (см. также: Wade 2008b).

бодное передвижение этих капиталов. Даже на момент написания данной статьи (май 2009) после того, как государство вливало миллиарды долларов налогоплательщиков в американские банки, правительство поставило перед фондами лишь несколько условий и то оно старательно избегало слова на букву «н» («национализация»).

С другой стороны, сохраняющееся господство финансов и, как следствие, размывание норм социальной солидарности вступает в противоречие с двумя тектоническими сдвигами, наблюдаемыми сегодня. Первый — это экономический подъем густонаселенных и /или богатых природными ископаемыми развивающихся стран, в частности стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). В определенный момент окажется просто невозможным исключать их из участия в глобальном управлении экономикой. А так как во всех этих странах государства играют куда более важную роль в экономике, чем в странах ОЭСР, то они могут привнести вместе с собой и иные предпочтения, менее благосклонные к идее свободных рынков. Второй — это изменение климата и возникновение мощных коалиций, призывающих к государственному регулированию во имя защиты лесов, увеличения эффективности энергопользования и тиражирования экологических технологий — например, технологии чистого использования угля.

Эти два сдвига совершенно очевидны и вполне способны ограничить продолжающееся господство финансов. Третий сдвиг куда менее очевиден, но он может в гораздо большей степени ограничить господство финансов.

Скажем так, «можно утверждать» (за неимением лучшей формулировки), что нынешний кризис — вкуче с его «предтечей», то есть коллапсом «доткомов» 2000 г. — представляет собой не лопанье «очередного» пузыря, но коллапс особого технологического пузыря. Подобные коллапсы имели место со времен начала промышленной революции, когда происходило распространение целого семейства трансформирующих технологий. В двух словах, суть идеи заключается в следующем: в первые два — четыре десятилетия подъема новой технологии финансовый капитал оказывается у руля, он формирует государственную политику; за счет преимущества своей гибкости ему удается внедрять новые алгоритмы извлечения прибыли во все новые сектора. В такой ситуации финансовый капитал стремится к минимальному количеству навязываемых государством ограничений⁶. На определенном этапе данный процесс «внедрения» по причине всеобщего помешательства на конкретной технологии приводит к надуванию огромного пузыря, который затем лопается. Власть финансового капитала ослабляется достаточно, чтобы позволить возврат к союзу государственного и производственного капитала, который спонсирует вторую фазу — «развертывание». Производственный капитал доминирует, олигополии процветают, социальная защита усиливается, рынок оказывается «вплетен» в ограничения самим политическим процессом. Причина в том, что производственный капитал как менее гибкий по сравнению с капиталом финансовым нуж-

6. Здесь я опираюсь на: Perez 2002, 2004.

дается в стабильно расширяющихся рынках. Во время второй фазы трансформирующие технологии проникают повсеместно и блага распределяются гораздо более равномерно, чем на первой стадии. Если смотреть с таких позиций, то нынешний кризис — начинающийся в 2000 г. и продолжающийся с перерывами в 2003 и 2007 гг. — знаменует собой срединный момент распространения парадигмы информационных, компьютерных и телекоммуникационных технологий. Если это так, то мы вполне можем ожидать двадцать — сорок лет господства производственного капитала; в таком случае государство возьмет на себя активную роль в обеспечении различных нужд производственного капитала.

Однако переход, подразумеваемый данным механизмом, вполне может оказаться заблокированным такими вещами, как возвышение новых мировых держав, а также растущее неравенство внутри большинства стран, все это может помешать начать слаженные действия по корректировке множества проблем — от изменения климата до новых правил политической экономии. Конфликт между глобальными финансами, жаждущими реставрации докризисных свобод сразу же после того, как эти финансы будут спасены за счет налогоплательщиков, и населением стран, жаждущим защиты от экономических кризисов и перемен климата, вполне может стать основополагающим при определении траектории развития мира в ближайшие несколько десятилетий и даже определить судьбу всей человеческой цивилизации. И тут возникает главный вопрос: «А где же левые?» Прогрессивные силы, мягко говоря, слабо участвуют в политических процессах; они сегодня — «пропавшие без вести»⁷.

Перевод с английского Дмитрия Узланера

ЛИТЕРАТУРА

- Харви Д. Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007.
- Blandon J., Gregg P., Machin S. Intergenerational Mobility in Europe and North America (2005). Centre for Economic Performance, LSE, <http://cep.lse.ac.uk/about/news/IntergenerationalMobility.pdf> (Accessed 17 July 2009).
- Chakraborty A. Capitalism Lies in Shambles, and the Left Has Gone Awol // The Guardian. 2008. 7 August.
- Chen S., Ravallion M. China is Poorer Than We Thought, but No Less Successful in the Fight against Poverty // Working Paper 4621. Development Research Group, World Bank, 2008.
- Dore R. Stock Market Capitalism vs Welfare Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2000.
7. Еще одной причиной для скептического отношения к новой продолжительной фазе введения финансового регулирования служит тот факт, что экономические консерваторы уже нашли готовое объяснение кризису. Данное объяснение вновь погружает их умы в дремоту: подобно тому, как Фридман винил в Великой депрессии Федеральную резервную систему, нынешние консерваторы возлагают всю вину на чрезмерное регулирование, на чрезмерное «государственное вмешательство». Государственные гарантии для Fannie Mae и Freddie Mac, этих гигантских компаний, занимавшихся ипотекой, исказили рынок и позволили им раздуть пузырь на рынке жилья (см. Palley 2008).

- Dumenil G., Levy D. Capital Resurgent. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Freeman A. The Poverty of Statistics // Third World Quarterly. Forthcoming.
- Frey B., Pommerehne W., Schneider F., Gilbert G. Consensus and Dissensus among Economists: An Empirical Inquiry // American Economic Review. 1984. № 74. P. 986–994.
- Fuller D., Geide-Stevenson D. Consensus among Economists: Revisited // Journal of Economic Education. 2003. Fall. P. 369–387.
- Galbraith J. K. The Affluent Society. London: Penguin, 1999.
- Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Hoffmann L., Bofinger P., Flassbech H., Steinherr A. Kazakstan 1993–2000: Independent Advisors and the IMF. New York: Physica—Verlag, 2001.
- Keidel A. The Limits of a Smaller, Poorer China // Financial Times. 2007. 13 November.
- Krugman P. Stressing the Positive // International Herald Tribune. 2009. 9–10 May.
- Lukaskas A., Livera-Batiz F. (Eds). The Political Economy of the East Asian Crisis and its Aftermath. Cheltenham: Edward Elgar, 2001.
- Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2003.
- Merrill Lynch. Progress Report: European Pension Reforms, Pension Barometer for Europe. Global Securities Research and Economics Group. 2001. 17 January.
- Milanovic B. Worlds Apart. Princeton: Princeton University Press, 2005.
- Orenstein M. The New Pension Reform as Global Policy // Global Social Policy. 2005. № 5 (2). P. 175–202.
- Palley T. Scapegoating Regulation (2008) // <http://www.thomaspalley.com> (Accessed 17 July 2009).
- Palma G. The Revenge of the Market on the Rentiers: How Neo-Liberal Reports on the End of History Turned out to be Premature // Cambridge Journal of Economics. 2009. № 33 (4). P. 829–869.
- Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.
- Perez C. Finance and Technical Change: A Long-Term View. CERF Working Paper 14. Cambridge University, 2004. <http://www-cfap.jbs.cam.ac.uk/publications/files/WP14%20-%20Perez.pdf> (Accessed 17 July 2009).
- Rodriguez F. (2008a) Questions about Growth Regressions // Challenge. 2008. July/August.
- Rodriguez F. (2008b) What Can We Really Learn from Growth Regressions? // Challenge. 2008. № 51 (4). P. 55–69.
- Rodrik D. The Death of the Globalization Consensus // Policy Innovations. 2008. 30 July.
- Vestergaard J. Discipline in the Global Economy? International Finance and the End of Liberalism. London: Routledge, 2009.
- Vishwanath T, Kaufman D. Towards Transparency: New Approaches and Their Application to Financial Markets // World Bank Research Observer. 2001. № 16 (1). P. 41–57.
- Wade R. Capital and Revenge: The IMF and Ethiopia // Challenge. 2001. September/October. P. 67–75.
- Wade R. (2004a) Is Globalization Reducing Poverty and Inequality? // World Development. 2004. № 32 (4). P. 567–589.
- Wade R. (2004b) Governing the Market. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Wade R. A New Financial Architecture? // New Left Review. 2007. July/August. P. 113–129.
- Wade R. (2008a) The First — World Debt Crisis of 2007–2010 // Challenge. 2008. July/August.
- Wade R. (2008b) Globalization, Poverty, Inequality, Resentment and Imperialism // J. Ravenhill (Ed). Global Political Economy. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 373–409.
- Wade R. Trade Liberalization and Economic Growth: «Does Trade Liberalization Contribute to Economic Prosperity?» No // A. Haas, J. Hird., B. McBratney (Eds). Controversies in Globalization. Washington DC: Congressional Quarterly Press, 2009. P. 19–38.
- Wolf M. Why Globalization Works. London: Yale University Press, 2004.
- Wolf M. These are Historic Moments for the World Economy // Financial Times. 2007. 12 December.